

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ

УДК 008

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-4-124

Н. Н. Летина

Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль,
Российская Федерация

Культурные коды русской провинции

Статья посвящена проблеме выявления и систематизации ключевых кодов русской провинциальной культуры. Используемые материалы охватывают историю русской провинциальной культуры и искусства XVIII–XX вв., их концептуализация осуществляется с культурфилософских позиций посредством комплекса методов – семиотического, феноменологического, философско-антропологического, структурно-функционального, мифокритики, культурологического анализа. В статье русская провинциальная культура осмыслена в качестве специфического феномена, раскрывающегося посредством составляющих его культурных кодов. Установлено, что русская провинция представляет пространство особой ментальности и культуры, именуемое «ойкумена русской провинции». Зафиксировано, что провинция характеризуется особым механизмом взаимодействия, осуществляемым посредством специфических процедур – адаптации и рецепции. Определен ключевой социально-психологический комплекс ойкумены провинции – «провинциальность». Охарактеризована культурно-антропологическая особенность субъекта провинциальной культуры – «творческой элиты провинции». Результаты могут быть использованы как в дальнейшем развитии провинциологии, так и в образовательном процессе высшей школы при преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Ключевые слова: провинция, русская культура XVIII–XX вв., ойкумена провинции, провинциальность, творческая элита провинции

N. N. Letina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl,
Russian Federation

Cultural Codes of the Russian Provinces

The article is devoted to the problem of identifying and systematizing the key codes of Russian provincial culture. The material includes the history of Russian provincial culture and art of the 18–20 centuries. The Conceptualization is carried out from a cultural-philosophical basis through the semiotic, phenomenological, philosophical-anthropological, structural-functional methods, mythological criticism, and culture studies. Russian provincial culture is interpreted as a specific phenomenon that is revealed through cultural codes. It has been established that the Russian provinces represent a space of special mentality and culture of the "oikumene of the Russian provinces". It is stated that the provinces are characterized by a special mechanism of interaction, including adaptation and reception. The key socio-psychological complex of the provincial ecumene – «provinciality» has been determined. The cultural and anthropological specificity of the subject of provincial culture – "the creative elite of the provinces" is characterized. The results can be used in the further development of the study of the provinces, in the educational process of higher education in teaching disciplines of the social and humanitarian cycle.

Keywords: *The Provinces, Russian culture of the 18–20 cc., oikumene of the provinces, provincialism, creative minority of the provinces*

Введение. Понятие «провинция» вошло в современный гуманитарный тезаурус, а феномен провинции прочно закрепился в качестве предмета научного, в том числе культурфилософского дискурса. Именно исходный термин – «провинция» – своей полисемантичностью детерминировал проблематизм дефиниций связанных с ним понятий. «Провинция» – калька латинского *provincia*, обозначающего в античном Риме завоеванную территорию, управляемую римским наместником. Входя в состав Рима, провинция по статусу была вторичной административно-территориальной единицей по отношению к метрополии. Античное, имперское понятие *provincia* закрепилось и в организации пространства ряда государств Европы и Северной Америки (Италия, Канада) в аналогичном указанному значении.

В России изначально провинция также представляла собой административно-территориальную единицу второго уровня. Петровские реформы по разукрупнению плохо управляемых губерний разделили их на провинции, а те на дистрикты. В отличие от римской *provincia* российская провинция XVIII века была не заво-

еванной территорией, а частью имеющейся. Данная схема применялась к присоединяемым к России новым землям, но не несла в себе противопоставления исконных и приобретенных пространств. В дальнейшем екатерининская административная реформа, увеличив число губерний-наместничеств, упразднила провинции, заменив их уездами. Слово же «провинция» закрепилось в языке и образовало в культуре локальный пространственный код.

Мы исходим из положения, что в русской культуре реализована дифференциация на своеобразные социокультурные сферы, имеющие в том числе территориальные ограничения. Одной из таких сфер является выделяемая в качестве специфического феномена русская провинциальная культура. Выявление и систематизация составляющих ее культурных кодов позволяет осмыслить исходные интенции феномена русской провинции, а также расширить тезаурус отечественных провинциологических штудий, увеличивающееся разнообразие которого, по верному замечанию исследователя, «свидетельствует о важности изучения культурного наследия провинции для его сохранения, для развития регионов и государства в целом» [1, с. 194].

Методы исследования, теоретическая база. Используемые в статье материалы охватывают историю русской провинциальной культуры и искусства XVIII–XX веков. В корпусе эмпирического материала представлены как культурные традиции (византийская, римская, голландская, итальянская, русская, провинциальная и др.), так и конкретный историко-культурный и художественный опыт отдельных персон, включая локальные памятники и произведения (архитектурные: от плана исторического центра Санкт-Петербурга до здания театра имени Ф. Г. Волкова архитектора Н. А. Спирина, храма во имя Святых апостолов Петра и Павла в Ярославле; живописные: монументальная живопись ярославской губернии, в частности работы Т. А. Медведева; литературные: Н. А. Некрасов, К. К. Павлова, Ю. В. Жадовская, М. А. Богданович, М. С. Петровых). Концептуализация данного корпуса эмпирического материала реализована с культурфилософских позиций посредством комплекса методов и подходов, среди которых семиотический, феноменологический, философско-антропологический, структурно-функциональный, мифокритика, культурологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Ойкумена провинции. В современной отечественной культурфилософской мысли

[2; 3; 4; 5] обозначено утверждение *русской провинции как пространства особого типа ментальности и культуры*. Мы экстраполировали на опыт русской культуры утративший четкую определенность античный термин «ойкумена» и локализовали его применительно к исследуемой ситуации, воспользовавшись словосочетанием «*ойкумена русской провинции / провинциальной культуры*» [6].

Ойкумена русской провинции – специфическая дефиниция, способная охарактеризовать трудноуловимое *нечто*, называемое культурой провинции, а также дифференцировать и зафиксировать типологическую особость значимой составляющей русской культуры через ключевые культурные коды. Такая возможность дефиниции связана с ее, как минимум, двойной семантической нагрузкой.

Дефиниция «ойкумена русской провинции» несет географическую коннотацию, фиксируя отдельный этногеографический и пространственно-временной континуум русской провинции. Она ограничивает определяемый феномен территориально – локусом русской провинции, соотносится с семантикой понятия «культура русской провинции», но обладает более широкой смысловой нагрузкой.

Серьезную ценность представляет и семантика особой «территории», даже «части» русской культуры, обладающей специфическими чертами и кодами. Здесь на первый план выходит функция дифференциации типов культурных процессов и сфер, который непосредственно связан с двойственностью культурного пространства, вырастающей из дихотомии центра и периферии.

Дихотомия центра и периферии, восходящая к мифосознанию, рождает **вторичность, подражательность** на уровне коллективного и индивидуального бессознательного ментального кода провинции. В мифе наиболее значимой точкой пространства является Сакрум (Э. Кассирер). Мир в горизонтальной проекции оценивается качественно, по мере удаления от Сакрума к периферии воспринимается все менее значимым. В проекции профанного мира есть избранные места – локусы, обладающие священной функцией или реликвией, происходящей от Сакрума. Из оппозиции центра и периферии, сакрального и профанного возникает в западной культуре возможность дифференциации столицы и провинции.

Она присутствует в эллинском сознании как трансляция сакральных функций Олимпа полису – городу-государству (Дельфы, Афины). В римском сознании роль Сакрума отдана «вечному Риму».

В христианской средневековой культуре Запада Сакрум соотнесен с небесным Иерусалимом, символически отразившемся в Иерусалиме земном, поэтому средневековая Европа является периферией, провинцией христианского мира. В культуре Ренессанса в центре – по-новому вечный Рим, христианский мир становится европоцентричным. К XV веку оформляются границы основных европейских государств, у которых есть собственные столицы, на выбор которых повлияли различные мотивы, среди них – подражание Риму и одобрение Рима. Традиционным становится передача европейскому монарху или верховному церковному чину значимой христианской реликвии, в результате столица европейского христианского государства становилась сопричастной Риму. Сакральное значение дара ослабевало, но возрастало значение политическое и укреплялась роль столицы как центра, являющегося образцом для государства. Подражание Риму приобретало формальный характер. Это выразилось, например, в постепенном переходе европейского градостроительства на систему регулярного планирования, которое воспроизводило трехлучевой план Рима.

Апофеозом осознанного подражания Риму в русской культуре XVIII века стал Санкт-Петербург. Подражание Риму в создании и презентации новой столицы России стало последовательным принципом. Трехлучевая «римская» композиция определяет план исторического центра города. Под символическую аналогию Петербург – Рим подводились серьезные духовные основания. Феофан Прокопович настойчиво декларировал особую миссию Петра I, сравнив ее с аскезой крупнейших библейских персонажей, православных святых и исторических деятелей – апостола Петра, Моисея, Соломона, Иафета, Бориса и Глеба, Александра Невского. Во многом благодаря его риторике Sankt Pieter Burch стал восприниматься не только градом Петра Великого, но градом апостола Петра, российским Римом, российский раем.

Русская культура в целом формально провинциальна, ибо основывается на внешних заимствованиях (это качество русской культуры было предметом рефлексии многих мыслителей и ученых – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Ю. М. Лотмана, А. Ф. Лосева, А. Меня, П. А. Флоренского и др.). Русская культура провинциальна и сущностна, ибо в ней имеют ценность главным образом иностранные корни. «Любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» в русской культуре с XVII века и до настоящего времени – скорее эк-

зотика, чем норма. В арсенале русской культуры – рецепция культурных открытий Византии, Польши, Голландии, Германии, Швеции, Пруссии, Франции, Англии, США. Выбор того или иного образца для подражания в русской культуре мотивирован как объективными, так и субъективными факторами. Объективные факторы включают в себя степень влияния и успешности конкретного государства в европейском и мировом масштабе и в результате его высокую репутацию; географическую близость и (или) активную экспансию иностранных держав в российскую жизнь или России в жизнь иностранных держав, в том числе военную (тюркская, польская, шведская традиции); степень близости России по ментальным, идеологическим, культурным, политическим и пр. параметрам (Византия). К субъективным факторам относятся происхождение (Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Петр III) и личные пристрастия российских императоров (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Николай II) или наделенных значительным государственным влиянием личностей (Бирон; Миних, А. Меншиков, В. Ульянов-Ленин).

Так, в столицах европейских государств и России при дворах монархов развивалась элитарная образцовая культура, в то время как культурная жизнь за пределами столиц представляла собой попытку дотянуться до образца. Такое положение дел характеризует культурную жизнь провинции с точки зрения ее направленности и определяет ее важный код – подражательность, вторичность по отношению к образцу.

Провинциальность. Для русской культуры по глубине вхождения в менталитет более значимо оказалось другое – оценочное значение *provincia*. Входя в состав Рима, *provincia* представляла собой «свое» – освоенное, прирученное пространство. Но завоеванная, а следовательно, исконно «чужая» *provincia* несла в себе угрозу и требовала контроля. Этот имманентный конфликт «свое – чужое» стал значительным оценочным кодом провинции. Именно он определил характерное для европейской ментальности устойчивое представление, стереотип восприятия провинции как местности, удаленной от столицы – центра жизни и культуры, и провинциальности как синонима отсталости, наивности и простоты. На наш взгляд, данный стереотип восприятия фиксирует код провинциальности как проявления особого социально-психологического комплекса, рефлексия об отдельных аспектах которого присутствует в актуальном

осмыслении проблематики русской провинции как социокультурного и психологического феномена [7; 8].

Показательным для реализации провинциальности российского культурного опыта является, к примеру, гендерный фактор творчества, определивший типичную судьбу женщины-автора в России. В эпоху рубежа XVIII–XIX веков женское творчество получило право на существование в виде особого феномена романтической дворянской культуры – «женской литературы». Образовался круг «образцовых» авторов (А. П. Бунина, Е. П. Ростопчина, З. А. Волконская, К. К. Павлова, Е. А. Ган, М. С. Жукова, А. В. Зражевская, Н. А. Дурова, Ю. В. Жадовская и др.). И все же статус женского творчества остался маргинальным по отношению к творчеству мужчин. Это, безусловно, повлияло на проблематизм самосознания русских художниц слова: сложился комплекс «женщины-поэтессы», с которым пришлось бороться на рубеже XIX–XX веков М. И. Цветаевой.

Впреломлении социокультурного и культурно-антропологического планов в индивидуальном и при этом типичном опыте жительницы провинции К. К. Павловой и обитательницы столицы М. С. Петровых складывается специфический духовно-нравственный комплекс «столичности» – оборотная сторона комплекса провинциальности [9]. «Столичность» в опыте К. К. Павловой имеет множество смысловых оттенков и интенций. «Столичность» представлена причастностью глобальному, активностью, готовностью к действительному служению Родине, самопожертвованию, мистическим чувством родства со своим народом и страной, верностью православным идеалам первопрестольной, связанным с переживанием Москвы как «третьего Рима». В то же время «столичность» подразумевает неприемлемые К. К. Павловой светскость, «салонность», суэтность, отличающие в сознании поэтессы петербургское дворянство. В комплекс «столичности» входит моделирование романтизированного имиджа современницы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова несостоявшейся невесты А. Мицкевича. Специфика «столичности» К. К. Павловой определена в связи с тем, что поэтесса оказывается готова пожертвовать ею, сместившись на территорию провинции, окончив жизнь в безвестности и бедности. При этом отказ от «столичности» осуществляется К. К. Павловой в географическом и социальном планах, не затрагивая глубинных качеств личности (целостность, творческую активность, космополитический настрой, внутреннее достоинство). Иной направленностью отлича-

ется «столичный» аспект опыта М. С. Петровых. Доминирующий ракурс ее комплекса «столичности» – поэтический. Именно в отношении творческой самореализации М. С. Петровых осознает себя провинциалкой и в силу ощущения неспособности выйти за пределы своей вторичности остается «обитательницей провинции», будучи уже жительницей столицы. Так проявили себя по отношению к проблеме столичности две женщины двух разных в календарном плане, но типологически сходных рубежных эпох, навсегда связанные местом рождения и поэтическим даром.

В процессе длительного изучения особенностей русской провинциальной культуры были выявлены и обоснованы два основных кода, характеризующие механизм взаимодействия ойкумены русской провинции с внешним миром, – **рецепция и адаптация**.

Мы предлагаем трактовать рецепцию как систематическое культуросообразное обращение к признанному классическим, образцовым наследию с целью культурного присвоения (которое может включать и осознание некоего феномена достоянием внутреннего опыта персоны, произведения, эпохи, и вполне утилитарное использование) или освоения (интеллектуальная и художественная рефлексия). Проявлений рецепции в ярославской художественной культуре множество, приведем наиболее репрезентативные примеры из области архитектуры, монументальной живописи.

Здание театра имени Ф. Г. Волкова (1909–1911) представляет собой реализацию рецепции в архитектуре Ярославля. В данном случае чистота модели нисходящей рецепции максимальна, но ее результат становится интертекстуальным, синтетичным, что, впрочем, инспирировано самой природой модерна. История постройки здания связана с конкурсом, проведенным Московским архитектурным обществом, который возглавлял известный архитектор Ф. О. Шехтель, а выиграл молодой архитектор Н. А. Спирин (1882–1938), предложивший проект под названием «Фигуры, танцующие в круге». Идея проекта, актуализировавшая антиномичность аполлонического и дионисийского начал и нашедшая отражение в декоре экстерьера и интерьера здания, в сознании эрудированных современников должна была ассоциироваться с концепцией Ф. Ницше о рождении трагедии из духа музыки. И хотя отчетливые свидетельства непосредственного заимствования или рецепции образности картины А. Матисса «Танец» (1910 г.) в замысле Н. А. Спирина отсутствуют, но типологическая рецепция общей

концепции несомненна. В основе композиционного решения фасада здания – прямая цитата излюбленного приема Д. И. Жилярди «портик в арочном проеме», восходящего к римской архитектуре. Этот прием архитектор реализовывал неоднократно, однако по визуальному сходству оформление экседры Музыкального павильона Конного двора в Кузьминках-Влахернском максимально близко решению фасада здания ярославского театра имени Ф. Г. Волкова. Актуальной сферой интереса была и проблема синтеза искусств. Театр приобретал особую значимость в иерархии искусств. В таком контексте установление связи декора здания ярославского театра с ритуальным истоком театра эллинского (дионисийское начало) через посредничество неоклассицистских архитектурных форм (аполлоническое начало) демонстрирует отнюдь не провинциальный уровень претензий. Первый русский академический театр выступает в качестве прямого наследника античного театра.

В монументальной живописи ярославской губернии XIX века рецепция представлена еще более внушительно. Одним из востребованных объектов рецепции является алтарный образ «Преображение» Рафаэля Санти. Результаты рецепции в ярославских храмовых росписях XIX века: «Преображение» работы Т. А. Медведева в Спасо-Преображенском соборе г. Углича (западная стена); «Преображение» неизвестного автора в Покровской церкви (свод над алтарем). Значимым объектом рецепции стал центральный образ алтарного триптиха «Снятие с креста» (П. Рубенс, Антверпенский собор, 1612 г.). Результаты рецепции: «Снятие с креста» Т. А. Медведева в церкви Ярославских чудотворцев Спасо-Преображенского собора (медальон на потолке); «Снятие с креста» в Казанской церкви с. Сеславино Ярославской губ.; «Снятие с креста» работы Т. А. или Е. А. Медведева в Федоровской церкви Богоявленского женского монастыря в Угличе. «Тайная вечеря» трапезной монастыря Санта-Мария делла Граче работы Леонардо да Винчи настолько востребована в монументальной живописи XIX века, что встречается во многих провинциальных храмах: «Тайная вечеря», выполненная в технике гризайль, изображена на конхе алтарной апсиды Преображенского собора в г. Арзамасе; на ярославском материале результаты рецепции «Тайной вечери» присутствуют в росписях Казанской церкви в с. Сеславино Ярославской губ. (западная стена алтаря); церкви Ярославских чудотворцев (конха алтарной апсиды); церкви Печерской Богоматери – основание звонницы Спасо-Преображенского мона-

стыря (западная стена алтаря). В монументальной живописи ярославской губернии других периодов присутствует рецепция образцов западно-европейской живописи (бытовые сцены труда в храме Ильи Пророка – голландская бытовая живопись; визуальная перспектива – колоннады, пейзажи, архитектурные детали в духе итальянской живописи присутствуют в росписях храма Ильи Пророка, храмах Толгского монастыря, Федоровской церкви Богоявленского женского монастыря г. Углича, Казанской церкви с. Сеславино, церкви Воскресения Христова с. Левашово).

Иная рецепция – интеграция провинциальной культуры в национальное (и шире) социокультурное пространство – также осуществлялась и осуществляется в процессе художественного творчества. Она носит скорее исключительный характер. Редкие для провинциальной культуры случаи, определяемые по аналогии с нисходящей рецепцией как примеры рецепции восходящей, обнаруживаются в литературе ярославского края в творчестве Н. А. Некрасова, М. А. Богдановича, Ю. В. Жадовской. Стихотворение провинциальной поэтессы Ю. В. Жадовской «Безумная! Я все еще тебя люблю» было положено на музыку А. С. Даргомыжским и в результате стало востребованным романсом в русских музыкально-литературных салонах и гостиных не только провинции, но и Москвы и Петербурга. Он имел и европейский резонанс, вошел в репертуар Полины Виардо. Складывалась необычная культурная ситуация: провинциальная поэтесса оказывалась посредником между русской провинциальной культурой первой половины XIX века в аспекте женского творчества и европейской аудиторией, следовательно, европейской культурой. В XX веке стихотворение «Безумная!» частично вошло в текст романа – музыкальной лейттемы мелодраматического сериала «Бедная Настя», став известным на уровне массовой аудитории.

В целом рецепция, осуществляемая в культурном пространстве провинции, – процесс сложный, иерархический и многоступенчатый. С точки зрения объекта рецепции характер процедуры связан как с имманентными ей моментами, так и с представлением о ней в интеллектуальной и художественной рефлексии. В ярославской монументальной живописи XIX века мы имеем дело чаще не с отечественными столичными, а напрямую с вершинными достижениями европейского искусства – творчеством Рафаэля Санти, Леонардо да Винчи, П.-П. Рубенса. С точки зрения субъекта рецепции ее характер может быть пассивным, осознанным и выборочным (пе-

ревод, инсценировка), а также активным (подражание, переделка, интерпретация, создание нового произведения с использованием образцового материала). Важен и вектор рецепции, акцентирующий то привлекаемый для рецепции опыт как целостность, то его отдельные аспекты – философский, интеллектуальный, научный инструментальный, систему художественной образности, социально-политические институты и пр. В частности, рецепция в провинциальной ярославской монументальной живописи следует за образцами художественных открытий, а не интеллектуально-философских рефлексий.

Адаптацию, трактуемую нами в соответствии с традициями средневековой латыни (*adaptatio* – приспособление), вполне можно рассматривать как частный случай рецепции с одним важным уточнением. Адаптация в провинциальной культуре, на наш взгляд, выступает не просто механизмом приспособления существующих культурных матриц – ментальных, художественных, повседневных и пр., – к определенным условиям ойкумены русской провинциальной культуры, но механизмом упрощения. Адаптация позволяет провинциальным культурным деятелям облегчить восприятие адаптируемого образца провинциальной аудиторией, сократив и упростив содержательные и (или) формальные характеристики своего объекта. Вероятно, именно аудиторный фактор имеет здесь первостепенную роль. В то же время адаптация, именно в силу упрощения объекта, позволяет технически облегчить труд субъекта адаптации – провинциального художника. Она может также способствовать социокультурной адаптации личности художника или группы художников с социальной средой провинции, что является важным фактором их личного и творческого благополучия. При таком функционале адаптация в провинциальной культуре становится важной задачей рецепции.

Социокультурный импульс провинциального кода адаптации мы парадоксальным образом обнаруживаем в опыте интеллектуально-художественного соотнесения отечественными исследователями культуры и искусства и российскими мыслителями и творцами рубежа XIX–XX веков современного им состояния культуры с ренессансным. Традиция именовать рубеж XIX–XX веков в России «русским ренессансом» восходит к определению Н. А. Бердяевым русской культуры этого периода как «русского духовного ренессанса». Осуществленный нами анализ интеллектуальных, художественных, поведен-

ческих практик, востребованных российской культурной элитой рубежа веков, показывает, что условно поименованная культурная эпоха «русского ренессанса» весьма специфически и парадоксально коррелирует с исторически определенной эпохой Возрождения, одновременно приближаясь к ней (в переживании исторического порога, антропоцентризме, искусствовцентризме и эстетизме, поиске удаленного во времени образца) и удаляясь от нее (в специфической религиозности, ироническом пафосе, эсхатологических ожиданиях). Подчеркнем: ренессансная парадигма русской культуры рубежа XIX–XX веков является в большей мере эмоционально переживаемой и мыслимой метафорой эпохи, нежели онтологически имманентной ее сутью. Адаптация возрожденческих традиций к возможностям носителей и творцов русской культуре рубежа XIX–XX веков демонстрирует и парадигматический характер ренессанса-возрождения, и в числе прочего – провинциальность, редуцированность и локальность его отечественной версии. При этом ренессансная парадигма русской культуры рубежа веков отчетливо фиксирует другую важную составляющую – культурный синтез.

Мы определяем сущность русской провинциальной культуры как **синтетизм**, пытающийся примирить столичное, элитарное с периферийным, народным, местным. Русская провинциальная культура, осваивая столичный опыт, обычно имеет дело с «двойной» рецепцией. Традиционно она обращается не к образцу-оригиналу, а уже преломленному столичными культурными деятелями его отражению. В лирике дважды провинциального поэта М. А. Богдановича присутствуют образы поэзии М. Ю. Лермонтова, которые, в свою очередь, восходят к поэзии Д. Г. Байрона. Фресковые церковные росписи русских художников-академиков первой половины XIX века в своих композиционных решениях нередко – то опосредованно, через использование гравюр из Библии Ю. Карольсфельда, Библии Пискатора, то напрямую – восходят к вершинным произведениям ренессансной и барочной европейской религиозной живописи (Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, П. Рубенс и др.).

Универсальный для культурного опыта России характер синтетизма можно наблюдать не только в глобальном плане дифференциации различных социокультурных ойкумен, но и в локальных культурных памятниках. Храм во имя Святых апостолов Петра и Павла (1736–1744) – явление для Ярославского края уникальное своей архитектурной стилистикой (единственный в регионе куль-

товый памятник аннинского барокко), экзотическим месторасположением (на территории промышленной зоны – Ярославской Большой Мануфактуры купцов Затрапезновых), богатой семантической нагрузкой. В результате мифологизации места Петропавловский комплекс становится благословенным гнездом «птенца Петрова», открывшего на местном уровне окно в Европу. Символика Петербурга как града апостола Петра – церкви и рая – отчасти передается и ярославскому локусу. Вехи отечественной истории (правление Петра I и Анны Иоанновны), предпринимательства в Ярославле, семейной активности – все эти акценты посвящений главных алтарей храма имеют синтезирующий смысл.

Аутентичной в конкретике выражения синтетизма провинциального кода является топика города в лирике провинциального поэта М. А. Богдановича. Образ города у М. А. Богдановича является поистине синтетичным и интертекстуальным. В нем сочетаются пространственно-временные, предметные и метафизические аспекты, характерные для русской символистской поэзии рубежа веков. Наиболее существенное влияние на создание образа города в лирике М. А. Богдановича оказала городская лирика В. Я. Брюсова и А. А. Блока. В этом смысле город М. А. Богдановича типичен. Уникальность городской образности М. А. Богдановича для художественного миропонимания рубежа XIX–XX веков заключается в характере рецепции символистского образа города. Образ города у М. Богдановича на формально-структурном уровне создается через апелляцию к брюсовским открытиям, на уровне метафизическом – к блоковским урбанистическим «откровениям». Второй момент, придающий трактовке города у М. А. Богдановича индивидуальное наполнение, – «белорусский лад», вовлеченность романтизированного национального начала, экзотического для русской литературы и культуры. Отличает городскую лирику М. А. Богдановича и «провинциальность», выступающая и качеством художественного метода (вторичность), и приоритетом провинциальных городов в топике стихотворений. В поэзии М. А. Богдановича город предстает и своей реальной конкретикой – «местом» суетной земной жизни, и образом-символом «чужого места», Града Земного, цивилизации в целом, дионисийской чаши, не являясь при этом доминантой его художественного мира, а представая поводом для раскрытия внутреннего мира лирического героя.

Творческая элита провинции. Ойкумена русской провинции населена, и среди ее населения выделяется специфическая культурно-антропологическая общность провинциальной творческой элиты. В палитре культурных типов творческих личностей провинции мы выделяем две модели – выдающуюся творческую личность в провинции и провинциальную творческую личность [10]. Первая модель – выдающаяся творческая личность – верифицируется на основании исключительно географического фактора. В силу разных обстоятельств (от физической болезни до духовного выбора) часть творческой элиты остается в провинции, где ее представители могут и создавать новое, и адаптировать созданное «столичными гениями». Практика подобного рода существовала в рубежные периоды и европейской, и русской культур (Д. Г. Байрон, И.-В. Гёте, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, московские символисты, М. И. Цветаева, П. И. Чайковский, И. Е. Репин, Д. В. Поленов, А. П. Чехов). При этом никто из упомянутых представителей творческой элиты рубежей XVIII–XIX и XIX–XX веков, безусловно, не совпадает с типом провинциальной личности, хотя определенное время входят в состав творческой элиты провинции. Вторая модель провинциальной культурной элиты – провинциальная творческая личность – определяется нами как имманентный провинциальной культуре феномен. Она раскрывается, с одной стороны, как творческая личность, типизирующая обитателей провинции, наделенных творческими способностями и волей к культурной активности (К. К. Павлова (Яниш), Ю. А. Жадовская, Т. А. Медведев; М. А. Богданович, М. С. Петровых в ярославских реалиях). С другой стороны, она включает и тип провинциальной личности, необязательно обитающей в провинции, но каким-либо образом совпадающей с духовно-нравственным комплексом провинциальности (Е. А. Баратынский, К. К. Павлова, М. С. Петровых). Жестких границ между ними не усматриваем и не утверждаем.

Заключение. Одной из значимых для русской культуры сфер является выделяемая нами в качестве специфического феномена «ойкумена русской провинции / провинциальной культуры». Дефиниция «ойкумена русской провинции» имеет географическую коннотацию, восходящую к античным представлениям об ойкумене как обитаемой представителями определенной цивилизации территории, фиксируя отдельный этногеографический и пространственно-временной континуум – континуум русской провинции. «Ойкуме-

на русской провинции» обладает и дифференцирующим смыслом, определяя семантику особой «территории», даже «части» русской культуры, носительницы определенных кодов и специфических черт. Ойкумена русской провинции с точки зрения ее смыслополагания представляет собой попытку достичь столичного эталона, что определяет ее значимый код вторичности, подражательности. Она характеризуется особым механизмом взаимодействия с внешним миром, осуществляемым посредством специфических процедур – адаптации и рецепции. Ойкумена русской провинции с точки зрения происходящих в ней культурных процессов и реализующихся в ней форм культуры является особым и одновременно типичным для русской культуры универсумом-текстом. Этот универсум раскрывается и раскрывает культурные коды «провинциальности», «подражательности/вторичности», «рецепции», «адаптации», «синтеза», «творческой элиты провинции».

Библиографический список

1. Тихонова А. Ю. Изучение и сохранение культурного наследия регионов России // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 5 (110). С. 193–201.
2. Ментальные модели русской культуры : сборник научных трудов ведущей научной школы России по методологии изучения теории и истории русской культуры / науч. ред. Т. С. Злотникова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2005. 136 с.
3. Мир русской провинции и провинциальная культура : сб. ст. / Гос. ин-т искусствознания; отв. ред. Г. Ю. Стернин. СПб.: ГИИС : Дм. Буланин, 1997. 139 с.
4. Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (дата обращения: 20.06.2019).
5. Столицы и столичность в истории русской культуры : научный сборник. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. 306 с.
6. Летина Н. Н. Ойкумена русской провинциальной культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 2. С. 20–23.
7. Злотникова Т. С. О провинциальности русского самосознания: философская традиция и актуальные массовые представления // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 114–126.
8. Злотникова Т. С. Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. 2019. 62(11). С. 14–26. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26> (дата обращения: 20.06.2019).

9. Летина Н. Н. В контексте комплекса столичности (судьбы Каролины Павловой и Марии Петровых) // *Философские науки*. 2007. № 1. С. 130–138.

10. Летина Н. Н. Культурная антропология провинциальной «творческой элиты» России рубежей веков // *Обсерватория культуры*. 2009. № 2. С. 96–100.

References

1. Tihonova A. Yu. Study and preservation of the cultural heritage of the regions of Russia. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, vol. 5 (110), pp. 193–201. (In Russ.)

2. *Mental'nye modeli russkoj kul'tury / Sbornik nauchnyh trudov vedushchej nauchnoj shkoly Rossii po metodologii izucheniya teorii i istorii russkoj kul'tury* [Mental models of Russian culture] / edit. by T. S. Zlotnikova. Yaroslavl', Izd-vo YAGPU im. K.D. Ushinskogo, 2005, 136 p. (In Russ.)

3. *Mir russkoj provincii i provincial'naya kul'tura : sb. st.* [The world of the Russian province and provincial culture] / Gos. in-t iskusstvovznaniya; otv. red. G.Yu. Sternin. Saint-Petersburg, GIIIS : Dm. Bulanin, 1997, 139 p. (In Russ.)

4. Savkina I. L. *Provincialki russkoj literatury (zhenskaya proza 30-40-h godov XIX veka)* [Provincial women of Russian literature (women's prose of the 30-40s of the XIX century)] Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 s. (In Russ.). Available at: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (accessed 20.06.2019).

5. *Stolicy i stolichnost' v istorii russkoj kul'tury: nauchnyj sbornik* [Capitals and metropolitan areas in the history of Russian culture]. Yaroslavl', Izd-vo YAGPU im. K.D. Ushinskogo, 2006, 306 p. (In Russ.)

6. Letina N. N. Ecumene of Russian provincial culture. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2009, vol. 2, pp. 20–23. (In Russ.)

7. Zlotnikova T. C. On provinciality of Russian self-consciousness: philosophical tradition and actual mass perceptions. *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2019, vol. 54, pp. 114–126. (In Russ.)

8. Zlotnikova T. S. Provincial discourse of Russian culture. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2019, vol. 62(11), pp. 14–26. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26> (accessed 20.06.2019)

9. Letina N. N. In the context of the capital complex (the fate of Karolina Pavlova and Maria Petrovs). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2007, vol. 1, pp. 130–138. (In Russ.)

10. Letina N. N. Cultural anthropology of the provincial «creative elite» of Russia at the turn of the century. *Obseratoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2009, vol. 2, pp. 96–100. (In Russ.)